

9 величайших примеров поста и молитвы

14 марта начинается Великий пост.

У нас есть 49 дней до Пасхи. У нас есть 49 дней, чтобы в особой тишине вслушаться в то, что происходит внутри нас и вокруг нас. Чтобы попытаться расслышать тот Голос и те Слова, которые порою теряются в шуме повседневной жизни. Мы собрали девять историй о посте, смирении и молитве, которые, верим, помогут глубже прочувствовать настроение и смысл этих семи недель. Это — не дословный пересказ Писания и житий, но наша попытка перенестись в другое время и место, реконструировать события, обстановку, атмосферу, чтобы словно бы собственными глазами увидеть происходящее.

Апостол Павел

Середина I века, Рим

Этот человек к двадцати годам стал лучшим среди воспитанников иудейской академии. Он в совершенстве знал культуру и верования своего народа, блестяще владел древнееврейским, греческим и латынью, великолепно ориентировался в тонкостях богословия и философии. Перед ним были открыты широкие карьерные перспективы. Но Бог распорядился иначе — однажды на пыльной дороге из Иерусалима в Дамаск молодому человеку явился Христос, после чего в его душе произошел переворот, и он резко изменил свою жизнь. В конечном итоге ему все-таки удалось достичь столицы Империи. Однако уже не в качестве кандидата на высокую должность, а в качестве величайшего проповедника и бесстрашного мученика. Мы знаем этого человека как апостола Павла.

Саул (а именно так называли Павла при совершении еврейского ритуала обрезания) до своего обращения был гонителем Церкви. Всей душой, как и тысячи своих соплеменников, Павел верил в грядущего Мессию и чаял Его пришествия. Но долгие годы он представлял себе Спасителя исключительно как земного владыку. А отрешенный от соблазнов мира сего Христос с этим образом никак не совпадал.

Явление ему на пути в Дамаск воскресшего Иисуса перечеркнуло все ответы, которые он находил для себя в фарисействе на все волновавшие его вопросы. Павел моментально все понял — и Кто именно с ним говорит, и что именно Он хотел от него. Гонитель христиан один на один встретился с Тем, Кого считал самозванцем. Во Христе он наконец увидел того Бога, в которого всегда верил всем своим существом. Саул остался тем же. Та же жажда истины, та же пламенная вера, тот же острый ум, та же тонкая духовная интуиция. Он так и остался максималистом. Именно в Нем он нашел, наконец, Того, с Кем чаяла встретиться его душа. Павел никогда не ходил вместе с Иисусом во дни Его земной жизни, но свое свидетельство приравнивал к евангельскому, потому что принял его непосредственно от Самого Христа.

V век, Верхний Египет

В маленькой тесной комнатенке тихо догорала лампада. Взмолвленные ученики сгруппировались вокруг своего доброго учителя. Он лежал здесь прямо на полу, на тонкой тростниковой циновке, которую сам и сплел когда-то. Старик с младенчества жил в пустыне, воспитываемый отшельниками, и его изнуренное постами тело никогда не знало ничего удобнее и мягче этой суровой постели.

Он был еще жив, но все уже понимали, что завтра с утра братии нужно готовиться к похоронам. Для каждого из учеников умирающий значил очень много. Он действительно был для них духовным наставником и горячим молитвенником. Настоящим аввой. А теперь они от всей теплоты преданных сердец молились о нем в скорбный час.

Они твердо верили, что у этого человека святой жизни лишь одна посмертная дорога — в рай. Уж ему ли, с малолетства впитавшему дух строгости и благоговения, шестьдесят лет проведенному в посте и покаянной молитве и еще при жизни прославившемуся даром чудотворения, — ему ли будет отказано в спасении?!

Вдруг авва пришел в себя. Его лицо сияло от радости, словно он уже пребывал в небесных обителях. Старец едва слышимым голосом молвил:

Авва Сисой

— Вот пришел авва Антоний... А вот идут отцы-монахи древности... А вот и... — умирающий сделал паузу, его глаза увлажнились, лицо же просияло больше прежнего, — а вот и апостолы шествуют... — и тут иннок замолчал. По лицу текли горячие слезы.

— Отче, с кем ты беседуешь?

Присутствующие были взволнованы, они никогда не видели старца таким.

— Это ангелы пришли взять меня, — едва слышно прошептал он. — А я не готов.

Я молюсь им оставить меня хоть ненадолго, чтобы я мог покаяться.

Братья изумились.

— Тебе ли, отче, каяться? Тебе нет нужды в этом!

Учитель вздохнул.

— На самом деле, братья, я не знаю, сотворил ли я хотя бы начало покаяния моего.

Неожиданно лицо старца засияло так, что и взглянуть на него никто не решался.

— Вот и Господь идет, — с трепетом прошептал он. — Он говорит: «Принесите мне избранный сосуд из пустыни!»

Это было как молния. Братия пала ниц. Стало легко дышать, помещение наполнилось какой-то неизъяснимой свежестью. На следующий день в обители хоронили авву Сисоя.

V век, Римская Африка

Немолодая, но все еще цветущая красотой берберка иступленно молилась и плакала. Сегодня, как и во всякий другой день, она шла, почти бежала в храм. Вот и вход показался. Войдя, женщина упала как подкошенная на мраморный пол.

— Был блудником и гордецом, стал еретиком и кошунником! Горе мне, Господи! — рыдала женщина. — Все предаю в руки Твои, Господи, и здоровье, и богатство, и честь, и жизнь и мою, и его. Что хочешь твори, Господи, только спаси! Не лиши божественного света раба Твоего заблудшего Августина!

Женщина долго еще стояла на коленях и продолжала горячо молиться. А так скорбно оплакиваемый ею сын чувствовал себя куда счастливее и раскованнее. Славный статный юноша относительно богатых родителей имел великолепное образование и хорошо подвешенный язык, знал себе цену и умел себя преподнести должным образом. Он мог позволить себе кутить и развлекаться как и когда ему только заблагорассудится. Плодом одного

Блаженный
Августин

из таких увеселений был трехлетний черно-волосый Адеодат.

Один из первых среди золотой молодежи города Тагаста, Августин не был крещен и не хотел и слушать ни по какому поводу мать-христианку. Вскоре юноша увлекся модным в то время учением манихеев, в чьей секте он провел долгих девять лет. Все это время жизнь шла своим чередом, каждый упорствовал в своем: мать не переставала молиться, сын — предаваться греху.

Уже взрослым и состоявшимся мужчиной он получил должность учителя риторики в Милане. Мать не хотела оставить его и требовала или вдвоем ехать туда, или вдвоем остаться. Она считала своим материнским долгом показать Богу или спасенное дитя, или раны на своих коленях. Приехав вслед за сыном в Милан, женщина просила епископа, который ранее тоже был манихеем, поговорить с сыном и переубедить его. Тот отказал ей, а в утешение произнес: «Иди с Богом. Не может быть, чтобы сын этих слез погиб».

Опечаленная мать дни и ночи проводила в молитвах, и наконец ее боль пронзила небесную высь. Сын обратился! Ее ликование и тихой радости не было теперь конца! Августин не просто стал христианином, не только принял сан священника, а затем епископа. Он стал святым, величайшим защитником Православия, обличившим не одну ересь, виднейшим богословом, одним из отцов христианской Церкви, почитаемым и на Западе, и на Востоке. Свой опыт покаяния он изложил в знаменитой книге «Исповедь», не имеющей себе равных во всей мировой литературе и до сих пор потрясающей читателей.

Так преобразилась жизнь этого человека. И он сам всегда считал, что его покаяние — плод пламенной веры и неослабевающей молитвы пред Господом его матери, праведной Моники.

Преподобная
Мария
Египетская

VI век, Палестина

До отхода корабля оставалось меньше часа. Груз был уже уложен, трюмы — задраены, и теперь капитан отдавал последние указания экипажу. На причале стояли люди — хозяева товара, сопровождающие и просто пассажиры, готовые к долгому и опасному путешествию.

— Куда направляетесь? — из снующей вдоль берега толпы послышался голос молодой женщины. Одежда, обувь, прическа и безвкусные дешевые украшения выдавали в ней дешевую блудницу, коих в александрийском порту было великое множество. Вела она себя слишком раскованно даже для представительниц своей профессии.

— В Палестину, — с борта свесился хозяин корабля, старый морской волк, который не привык разводить длинные разговоры. — Деньги есть?

— Нет. У меня есть товар, — женщина кокетливо поправила черные кудри и подбоченилась.

— Мы за нее заплатим, — за спиной блудницы под дружный гогот зевак, наблюдавших за диалогом, один из пассажиров вынул из пояса несколько монет и бросил их владельцу судна. — Пойдем! — молодой человек ступил на трап, а за ним с видом триумфатора на борт проследовала женщина.

Заплаченные за нее деньги женщина отработала полностью — мужчины на судне были ею довольны. Правда, никто не спросил даже ее имени, хотя о себе она могла рассказать

много. Как в двенадцать лет от роду ушла от любящих родителей в поисках красивой жизни, как сразу лишилась девства и стала обслуживать сначала рабов, затем — самих хозяев. Как очень скоро настолько полюбила свое занятие, что видела лишь одну цель — сменить за день как можно больше клиентов. Как часто голодала и не имела даже драхмы в кармане, но готова была отдаться первому встречному бесплатно. Как за семнадцать лет своего промысла познала множество мужчин полумиллионной Александрии и теперь плыла в Палестину в поисках новых встреч и ощущений.

Она стремилась в Иерусалим — город небольшой по населению, но очень значимый и манивший огромные потоки паломников. Пилигримы, не считавшие зазорным совместить поклонение святыням с интимными похождениями, стали ее главным клиентами. Она появлялась в самых людных местах, не стесняясь заходить даже в храмы. И однажды именно в базилике Воскресения произошло с ней то, что перевернуло всю ее жизнь.

В день праздника Воздвижения Креста блудница последовала в церковь и вместе с молящимися вошла в притвор. Все люди проходили дальше в храм. Однако стоило ей подойти к дверному проему, как какая-то невидимая сила отбросила ее назад. Сначала она решила, что ее сдавила толпа. Несчастная четыре раза втискивалась в ряды входящих в храм, но ее усилия были тщетны, и она поняла, что происходящее имеет сверхъестественную природу.

Блудница в отчаянии стояла в углу притвора, сзади ее толкали люди, вперед невозможно было ступить и шагу. Женщину объял ужас, сердце кипело от возмущения, обиды и бессилия. В проходившей мимо нее толпе мелькали лица тех, кто еще сегодня утром делил с ней ложе. Но они благополучно шли дальше, а она стояла как вкопанная. И тут мечущийся взгляд женщины остановился на старинной мозаичной иконе. С золотого фона на нее с невыразимой грустью смотрела Богородица.

Она сразу все осознала. Вмиг ее бессмысленная жизнь до мельчайших подробностей пронеслась перед ней, и она каждой клеточкой ощутила глубину своих грехов. Из глаз хлынули слезы. Так она не плакала никогда. Рыдая и обещая Богородице исправиться, женщина снова попыталась войти в храм — на этот раз успешно. В тот же день она решила уйти из города. Окажись на ее месте другая блудница, она попросилась бы в один из приютов милосердия, где принимали таких раскаявшихся грешниц, давали кров, пропита-

ние и помогали начать честную жизнь. Но ее случай был особый: при виде всего лишь мужского лица она готова была отдать себя целиком. Внутри нестерпимо пылал огонь похоти, и это не было физиологической потребностью или какой-то особенностью — она прекрасно осознавала, что ею владеет какая-то дьявольская сила. Нужно было рвать с прошлым без промедления.

Сорок семь лет бывшая блудница провела в пустыне за Иорданом, избегая встреч с людьми и подвергаясь невероятным опас-

ностям и испытаниям, которые не смогли заставить отшельницу изменить своей цели — покаянию. С Божьей помощью и огромными личными усилиями она по капле выдавила из себя бесстыдную ненасытную блудницу и стала одной из величайших христианских подвижниц. Через год после смерти ее тело обнаружил монах, старец Зосима, единственный христианин, которому привелось говорить с ней при ее жизни. Рядом с ней он нашел послание: «Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии. Воздай персть персти. Моли Господа за меня, преставльшуюся месяца апреля в первый день, в самую ночь спасительных страданий Христовых, по причащении Божественной Тайной Вечери». Так та, кого не знали даже по имени тысячи людей, что общались с ней при ее жизни самым тесным образом, стала известна и действительно близка всему христианскому миру, никогда даже не видевшему ее живой.

VII век, Синай

В дверь кельи трижды постучались. За стеной послышался голос:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!

Человек, сидевший за столом в глубине комнаты, встал и направился к проему.

— Аминь, — хозяин впустил внутрь монаха и закрыл за ним. Это был пожилой уже мужчина, но при довольно почтенном возрасте двигался он быстро и уверенно. На его лице были запечатлены таланты мудрого организатора и высокообразованного человека, впрочем, это не давило на собеседника, а располагало к доверию и открытости.

— Что у тебя, брат? — старец снова сел за стол.

— Пришли братья из Раифы, принесли две корзины фиников. А тебе авва Иоанн прислал послание, — инок протянул игумену свиток.

— Хорошо. Передай братьям мои приветствия и попроси их разделить с нами трапезу. Я скоро выйду к вам.

Проводив послушника, монах стал у окна и развернул письмо. Его глаза светились — получить весточку от друга было для него большой радостью. Но потом взгляд старца стал грустным. дочитав до конца, он оперся о стену и как бы сам себе сказал:

— Брат Иоанн, куда мне, бедному и нищему добродетелями, братья за твое поручение?..

Он немного постоял в раздумье, затем подошел к столу, обмакнул в чернила

Преподобный
Иоанн
Лествичник

Преподобный
Моисей
Угрин

тростинку и стал писать на обратной стороне папирусного листа: «Получил письмо с твоей просьбой, и я бы даже сказал — повелением. Это превосходит мои силы, ибо добродетели мои настолько скудны, что единственное, чем мне нужно заниматься, — оплакивать свои грехи. Тебе надобно обратиться к другим, более опытным и искусным подвижникам, а я — всего лишь ученик. Но поскольку Господь и Его святые заповедали нам всегда проявлять послушание старшим, даже в делах, превышающих наши силы, то и я, повинувшись тебе и считая твою просьбу волей Божьей, даю свое согласие. Ради тебя приступаю к делу и прошу читателей, если они сочтут мой труд полезным для себя, вменить это в заслугу не мне, а Богу Спасителю нашему».

Просьба, которая так смутила старого игумена, была действительно необычной — авва из Раифы поручил ему написать книгу, в которой раскрывались бы основные этапы духовного возрастания христианина, в особенности — монаха. Раифский настоятель не ошибся в выборе — пожалуй, во всей империи не нашлось бы того, кто смог бы лучше Синайского аввы соединить иноческий опыт с богословским осмыслением.

Иоанн — а именно так звали старца, получившего необычное письмо, — имел знатное происхождение. Его детство прошло среди роскоши великого Константинополя. Подростком будущего подвижника отдали в императорский университет, где он вскоре превзошел не только однокурсников, но и наставников. И все пошло бы дальше по привычной схеме — блестящая карьера, должность при дворе, влияние и богатство, — если бы не резкая перемена. Сложно сказать — почему, но едва юноше исполнилось шестнадцать, он сел на корабль и приплыл в Египет, а оттуда пришел на Синай, где стал

учеником аввы Мартирия. Испытание длилось четыре года, и в двадцать лет от роду Иоанн принял постриг. В течение еще пятнадцати лет молодой человек смиренно, словно забыв о своем происхождении, проходил послушание у своего наставника, а когда тот почил — удалился в пустыню, став отшельником.

Земли в районе горы Синай непригодны для жизни — здесь и звери не водятся, обходят ее стороной. А Иоанн — жил! И молился. Так прошло сорок лет. Только Бог знает, что перенес угодник за все это время. Находясь в полном одиночестве и приходя в монастырь только по большим праздникам, святой смог познать такие глубины человеческой души, какие недоступны в условиях будничной суеты. Наверное, он и скончался бы отшельником, если бы братия не избрала его своим настоятелем. Он согласился. Ибо считал, что ложное смирение хуже любой гордыни.

Авва Иоанн пробыл игуменом четыре года и успел донести свою книгу. Он назвал ее «Лествица» — в знак того, что путь человеческой души к Богу напоминает лестницу, и чем выше по ней поднимаешься, тем труднее становится и тем больнее падать. На ее тридцати ступенях расположены христианские добродетели, по мере достижения которых человек приближается к Творцу. Основанная на личном многолетнем опыте самого преподобного Иоанна, его книга практически сразу стала для монахов настольной, а для мирян — постоянным напоминанием о том, что духовная жизнь всегда превосходит наше представление о ней.

XI век, Киев

Этот святой был родом из Венгрии, за что его и прозвали Угрином. В юности вместе со своим братом Георгием он служил у князя Бориса, сына Владимира Великого. Когда князя вероломно убили в 1015 году, молодой человек уцелел и скрывался у Предиславы, сестры Бориса. При взятии Киева в 1018 году польским князем Болеславом он попал в плен, его увезли в Польшу и продали в рабство.

Невольника купила одна знатная молодая вдова. Оставшись без мужа, она не смогла смириться с тем, что отныне ей, возможно, всю жизнь придется засыпать и просыпаться в постели одной. Очень скоро ее внимание привлек недавно купленный раб. Но душа молодого человека лежала к монашеству, и пленник решил во что бы то ни стало посвятить себя Богу и сохранить девственность.

В конечном итоге он тайно принял монашеский постриг от странствующего афонского иеромонаха.

По меркам обывателя, за свою высокую мечту раб заплатил очень дорого. Узнав о постриге, совершенном за его спиной, хозяйка обратилась к королю. Правитель призвал обоих к себе, попытался уговорить юношу подчиниться госпоже. Услышав отказ, монарх сказал вдове: «Поступи с твоим рабом по своему желанию; чтобы и другие не осмеливались ослушаться своих господ».

Она еще раз попыталась соблазнить слугу и после отказа приказала его нещадно бить и кастрировать. Сделано это было с особой жестокостью — всю оставшуюся жизнь мужчина ходил с клюкой, поскольку ниже пояса была незаживающая, безобразная, постоянно кровоточащая и доставляющая боль рана.

Рабу удалось бежать домой. Он вернулся в Киев и поселился в Печерской обители,

где прославился как человек, тонко понимающий природу плотской страсти и способный помочь бороться с нею и держать себя в чистоте. Святой прожил в монастыре около десяти лет. Сейчас его святое тело, испытывшее столько страданий, но оставшееся неоскверненным, покоится в Ближних пещерах Лавры. Над местом его последнего упокоения паломник может прочитать простую старинную надпись: «Преподобный Моисей Угрин».

XII век, Переславль-Залесский

Один чиновник был очень доволен собой и жизнью. Он занимал пост главы налоговой полиции, как мы бы сейчас сказали. Город и храм отстраивались заново, налоги в связи с этим увеличились, и деловитый началь-

реклама

ПАМПАДЫ НЕУГАСИМЫЕ

ПРАВОСЛАВНОЕ БРАТСТВО
сщмч. ЕРМОГЕНА

+7 (495) 925-75-38
ермоген.рф
Москва,
ул. Амурская д. 3, стр. 31

- защищенность от внешних воздействий.
- простота и безопасность использования.
- прочное стекло, не перегревается в руках.
- среднее время горения около 12 часов.
- разнообразные размеры и формы.

ник, конечно, не упустил такого удачного случая и себе отстроить хоромы. Да и мало ли какие еще нужды у чиновников. Такой порядок считался тогда нормальным.

Безбожником этот человек не был. Он ничем не выделялся из народа, который его окружал, и так же ходил каждое воскресенье к обедне. Возможно, правда, больше по обычаю, чем по пламенной вере.

Однажды Великим постом, когда он стоял в наполненной людьми церкви, его слух вдруг зацепили слова: «Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою; князя твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них».

«Серебро твое стало изгарью, — звенело в голове, — князя твои — сообщники воров! Вор ты, Никита, вор. Любишь подарки, вдов и сирот не защищаешь, Никита...»

Преподобный
Никита
Столпник

Весь вечер не знал чиновник, куда деться от голоса совести, в какую щель залезть и чем себя занять. Ночь настала. Не спится. Вертится в мягкой постели Никита...

«Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих...»

Перелег на правый бок...

«Перестаньте делать зло, научитесь делать добро...»

Налево лег...

«Ищите правды...»

Зарылся в подушку...

«Спасайте угнетенного... Спасал ты, Никита, угнетенного? Сироту защищал? Вступался за вдову? Или это от тебя и от жадности твоей надо спасать и богатого, и бедного?»

Да что же это такое! Хоть не спи! Встал Никита, по комнате прошелся. Туда-сюда. А сам весь холодный, по телу дрожь мелкая.

«Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Блага земли... блага земли... Если послушаетесь... Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас».

До рассвета промаялся бедняга. А наутро — новый день, новая жизнь. Хотелось Никите забыть ночь, забыть Исаию... И чего это уже сто раз слышанные слова вдруг так врезались в сердце?

Этим же днем надеялся он развеяться за столом с вином и с друзьями. Чиновник уже ожидал их, как вдруг из кухни с криками прибежала его перепуганная насмерть жена. Никита последовал за ней и с ужасом увидел то же, что и она: в котле, где должно было вариться мясо для гостей, пенилась и бурлила кровь, а на поверхность то и дело всплывали то человеческая рука, то глаза, то ступни. Ошарашенный хозяин опознавал по этим кускам тех, кого он когда-то обобрал и обидел.

Никита выскочил из дома.

«Господи! Согрешил я! Наставь меня теперь на путь Твой!»

Бежал Никита прочь из дому, прочь от старой жизни...

«Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю», — продолжала совесть повторять вчерашние слова Исаии.

Остановился Никита у игумена местного монастыря. Здесь бывший вор начал до того строгую и праведную жизнь, что сподобился дара чудотворения и окончил свою жизнь мучеником.

А все началось однажды Великим постом с услышанных сердцем, а не только ушами, слов: «Омойтесь, очиститесь...»

Преподобный
Серафим Саровский

XIX век, Тамбовская губерния

Этим ноябрьским днем было пасмурно, шел мелкий снежок, который ложился на белый покров, появившийся здесь днями ранее. Лес засыпал, выдыхая последние осенние силы. На полянке стояли и неспешно разговаривали молодой человек и старенький монах.

— Батюшка, — мужчина повернулся к спутнику лицом, — скажите, так в чем же состоит смысл христианской жизни? Зачем я живу на земле?

Старец с минуту стоял неподвижно, смотря куда-то вдаль и словно вглядываясь внутрь себя, потом посадил своего собеседника на пенек. Сам сел на корточки напротив. Его глаза, больше похожие на два бездонных озера, смотрели в самую душу.

— Радость моя! Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьего.

Монах знал, о чем говорит. Он поднялся с корточек, опираясь на грубо выделанную клюку — вот уже почти тридцать лет старец не мог распрямиться в полный рост...

...Был сентябрь 1804 года. Днем батюшка рубил дрова неподалеку от своей избушки, в которой он жил отшельником. Со стороны села донеслись хруст веток и оживленная человеческая речь. Очень скоро стали различимы отдельные слова. Инок окончил рубку,

но особого внимания на звуки не обратил и, даже когда перед ним выросли три высоких фигуры в крестьянских тулупах, продолжал связывать бревна.

— Слышь, поп, деньги давай! — один из незваных гостей, по-видимому, главный, поставил свою ногу прямо на сложенные горкой поленья. Отшельник выпрямился.

— Какие деньги, мил человек? Нет у меня денег, — с привычной приветливостью в голосе проговорил монах и потянулся за приготовленной связкой. Но едва он нагнулся, главарь взял его за шиворот и со всей мочи дернул к себе.

— Не дури, браток, не то как собаку прирежу, — в голосе грабителя не было и тени шуток. — Знаем мы вашу породу. Люди день и ночь несут, а вы только и корчите из себя нищих. А ну, живо выкладывай!

Сзади на подвижника набросился один из поделньников, но непонятно почему он буквально отлетел обратно. Кто-то невидимый будто давал бандитам понять, что они должны остановиться. Но злость окончательно помutila их разум.

— Он и колдун вдобавок! Валим его!

И все трое навалились на монаха.

Защититься он и не пытался, хотя у него под руками был топор и, будучи привычным к тяжелой работе, он обладал немалой силой. Инок воспринял нападение как испытание Божье, которое нужно пройти до конца.

По голове ударили обухом, изо рта и ушей хлынула кровь. Пиная сапогами, грабители дотасили его, еле живого, до избушки. Они всё перерыли в поисках спрятанных денег, но нашли лишь икону да несколько картошин. И тут мужики, наконец, поняли что избili монаха совершенно напрасно. На них напал дикий страх, и они без оглядки бежали из кельи.

Святой выжил, но позвоночник его был сильно поврежден, и он все оставшуюся жизнь ходил согбенный. Однако и преступники не остались безнаказанными — хотя заступничество батюшки спасло их от уголовного преследования, их дома и имущество через некоторое время полностью уничтожил огонь. Сами они раскаялись в содеянном, а батюшка Серафим простил мужиков от всего сердца, как и других всегда учил прощать всех и за все.

Таким был батюшка Серафим — чистым, не утратившим своей детской невинности, но, наоборот, умножившим ее во много раз. Даже претерпев от людей осмеяние и побои, он продолжал верить человеку и в человека, и рядом с ним всегда исполнялись его ➤

слова: «Сяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи».

XIX век, село Шамордино Калужской губернии

В год, когда был изгнан Наполеон, в семье потомственных тамбовских церковнослужителей Гренковых родился шестой по счету ребенок. Мальчика назвали Александром. Сейчас мы знаем этого человека как великого подвижника Земли Русской, чью святость Бог засвидетельствовал многими чудесами, а православный верующий народ — искренней любовью. Но всего этого могло бы и не быть. Дело в том, что на путь монашеского делания будущий святой стал только после долгих лет борьбы с малодушием, сомнениями и привязанностью к миру.

На последнем курсе семинарии Александр тяжело заболел. Болезнь была опасная.

«Надежды на выздоровление было очень мало, — рассказывал впоследствии сам батюшка. — Однажды ко мне пришли друзья и стали подбадривать: держись, дескать. Но я уже практически ничего не слышал. Пришел и преподаватель, братья предложили позвать священника, на что он отказал. Я тогда сказал: «Прощай, Божий свет!» И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь».

Обет был услышан Небом. После того случая Александр быстро поправился. Однако о данном Господу слове юноша напрочь забыл бы, если бы не угрызения совести. Очень

долго молодой человек не решался порвать с миром. Но со временем он стал понимать, что его душе тесно в этом мире. Внутри росло необъяснимое чувство, сердце искало Бога.

Так прошло больше четырех лет. Александр уже находился в должности учителя первого класса Липецкого духовного училища, и сложно было даже предположить, что руководство отпустит своего подчиненного. Он малодушно откладывал исполнение своего обета, но совесть его не давала ему покоя.

И однажды утром Александр уехал в Оптину пустынь — тайно ото всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства. Это было в воскресенье, 8 октября 1839 года. Шла поздняя литургия, когда он прибыл в монастырь, чтобы уже никогда его не покидать. Молодой человек застал при жизни таких столпов монашества, как игумен Моисей, старцы Лев и Макарий, которые сыграли немаловажную роль в его судьбе.

Батюшкино смирение, доброта, святость и неподдельная радость одинаково дарилась и высокому столичному чиновнику, и простой полуграмотной крестьянке. Он в совершенстве владел пятью языками, имел острый ум и огромный опыт хозяйствования. Все, кто к нему приходили, знали, что от отца Амвросия можно получить не только духовный, но и чисто житейский совет. Но только один Господь и несколько человек знали, насколько тяжелым был для старца этот крест — 30 лет он был практически прикован к постели после тяжелой болезни, навсегда подкосившей его здоровье. Но, наверное, если бы преподобного спросили, он бы улыбнулся по-детски и повторил бы фразу, которую чаще всего говорил своим чадам: «Как ни тяжел крест, который несет человек, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца». И доброе сердце старца, которое согревало любовью весь мир, смогло не только понести этот крест, но и вознести его на огромную высоту.

Преподобный Амвросий Оптинский своей жизнью показал удивительный пример того, как в физически немощном человеке может действовать такая Божья сила, которую мечтали бы иметь многие внешне здоровые и крепкие люди. А еще жизнь отца Амвросия — это воплощение его любимой фразы: «Где просто, там ангелов со сто». Старец словно показывал, что подлинная мудрость и жизненная правда — не в вычурных словах или в каких-либо утонченных формах, а в простых вещах, осененных Божьей любовью. ✙

Александр и Екатерина Моисеенковы

Преподобный
Амвросий Оптинский

СУСАЛЬНОЕ ЗОЛОТО ДЖУСТО МАНЕТТИ БАТТИЛОРО

Made in Italy

Прямые поставки сусального золота, потали и сопутствующих материалов для позолотчиков из Италии (Флоренция) по ценам производителя.

г. Москва
Столешников пер. 6 стр. 3 офис 103
тел. (495) 644 24 06
моб. 8 - 906 0561040
эл. почта: manetti-m@mail.ru
Skype: manetti-m

Посетите наш сайт:
www.manetti-m.ru

